

ИСКУССТВО

УДК 902.1 ББК 63.4(2) DOI 10.25986/IRI.2020.79.1.008

Н. Н. Точилова

*Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени
А. Л. Штиглица, кафедра искусствоведения,
Санкт-Петербург, Россия. arhivolt@yandex.ru*

А. А. Слапина

*Благотворительный фонд «Частный музей русской иконы»,
Москва, Россия. annaslapina@gmail.com*

НАХОДКА С ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА СТАРОЙ ЛАДОГИ В КОНТЕКСТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СКАНДИНАВСКОГО ИСКУССТВА НА СЛАВЯНСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ¹

Статья посвящена фрагменту костяного изделия с процарапанным изображением оленя, обнаруженному в 1981 г. среди обломков церкви Св. Климента XII в., стоявшей на Земляном городище Старой Ладogi. Авторы высказывают предположение о том, что эта находка относится к так называемой «Померанской школе» — направлению, сложившемуся на территории Балтийского Поморья в третьей четверти X — первой половине XI в. под влиянием искусства эпохи викингов.

Ключевые слова: Старая Ладoga, Померанская школа, искусство эпохи викингов, орудия охоты, резьба по кости

Среди типологического разнообразия находок, характерного для северо-запада Древней Руси, иногда встречаются вещи, не укладывающиеся в рамки общепринятой классификации и даже, на первый взгляд, стоящие за пределами устоявшихся представлений о той или иной культурной среде. Данное небольшое исследование посвящено одной из таких находок.

В 1981 г. среди строительных обломков несохранившейся церкви Св. Климента, стоявшей на территории Земляного городища Старой Ладogi, сотрудник Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника Б. Г. Васильев нашел обломок необычного костяного изделия со сквозным отверстием, который сейчас хранится в фонде музея (Инв. № СЛМ КП-62948, А-9691)² (Рис. 1). Предмет размером 30 × 15,5–24,3 мм сделан из цельного куска кости (или рога), его форму составляют два объема: усеченный конус, переходящий в небольшой цилиндр. На поверхности большего — конусообразного —

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Фонда содействия развитию российско-шведских отношений имени Сверкера Острёма (The Sverker Åström Foundation).

² Авторы благодарят Б. Г. Васильева за обстоятельный рассказ об обнаружении этой находки.

регистра тонкими линиями вырезано изображение оленя (сохранилась только передняя часть туловища животного), на поверхности меньшего — цилиндрического — в той же технике нанесен плетеный орнамент.

Б. Г. Васильев опубликовал эту находку дважды. Сначала без иллюстраций в 1995 г. [Васильев, 1995], а затем — уже с прорисовками и предположительной реконструкцией изначального облика изделия — в 1998 г. [Васильев, 1998]. Эти две публикации ввели необычный ладожский предмет в научный оборот и стали первыми — и на сегодняшний день единственными — попытками анализа его изображения и датировки.

Находка с Земляного городища порождает множество вопросов, главными из которых являются: каково ее назначение, каким временем она датируется и какой художественной традиции принадлежит. Для начала обратимся к исследованию Б. Г. Васильева и суммируем предложенные им ответы.

При изучении декора предмета автор делает акцент на трех аспектах. Во-первых, на самой фигуре оленя. По мнению Б. Г. Васильева, этот образ, хоть и известен в самых разных культурах, в данном случае может быть связан с летописной ладожской легендой о падающих с неба оленях и маркировать финно-угорскую традицию [Васильев, 1998, с. 423]³. Во-вторых, на наиболее яркой орнаментальной детали рисунка животного — лопатке, представляющей собой овал (почти круг), расчерченный косыми линиями на ромбы, центр каждого из которых отмечен точкой. Эту деталь Б. Г. Васильев, опираясь на мнение Б. А. Рыбакова, интерпретирует как образ засеянного поля и включает в круг славянских символов [Васильев, 1998, с. 426]. И в-третьих, на плетенке, расположенной на цилиндрической части предмета — под копытами оленя. Исследователь относит ее к миру скандинавского искусства [Васильев, 1998, с. 428]. Сопоставляя три этих направления, Б. Г. Васильев заключает, что декор этого небольшого костяного изделия является свидетельством тесного переплетения трех культур, присутствующих в Старой Ладогe: финской, славянской и скандинавской — «реальным отображением происходившего в Ладогe IX—XI вв. процесса формирования культуры Древней Руси» [Васильев, 1998, с. 429].

При датировке своей находки Б. Г. Васильев опирается на данные археологии и указывает, что, по мнению О. И. Давидан [Васильев, 1998, с. 420; Давидан, с. 113], период расцвета косторезного ремесла в Ладогe приходится на IX—X столетия. Следовательно, это же время можно считать наиболее вероятным для создания данного изделия.

При определении назначения предмета Б. Г. Васильев высказывает несколько версий, но останавливается на мнении о том, что это деталь составной рукояти [Васильев, 1998, с. 422—423].

Позволим себе не согласиться с последним тезисом и высказать другое предположение. Изделия, по форме напоминающие предмет из Старой Ладогe, регулярно встречаются в культурном слое на территории Древней Руси и в Скандинавии. Советская археологическая традиция действительно чаще всего интерпретировала их как обоймицы, навершия или рукояти, однако еще в 1976 г. шведский археолог И. Захриссон предложила альтернативную атрибуцию. По ее мнению, подобные цилиндры являются тупыми наконечниками стрел для охоты на пушного зверя [Zachrisson]. Такие наконечники, в русском языке получившие название «томары», позволяли глушить животное, не повреждая мех. Эта точка зрения оставалась дискуссионной вплоть до 1992 г., когда в Новгороде на Троицком раскопе была найдена целая стрела с тупым наконечником [Гайдуков, Макаров], подтвердившая эту догадку. С этого момента все ранее обнаруженные изделия подобной формы были переатрибутированы как наконечники стрел — или томары [Смирнова].

³ Опираясь на интерпретацию этой легенды Б. А. Рыбаковым, Б. Г. Васильев пишет о культовом характере оленя для финского населения Ладогe. Однако, судя по археологическим материалам, изображение этого животного не было распространено в искусстве финского круга, поэтому данная интерпретация не кажется нам убедительной.

По нашему мнению, перед нами именно богато орнаментированный томар⁴, и далее в тексте мы будем использовать этот термин. Однако здесь необходимо сделать две важные оговорки. Во-первых, на данный момент известно множество томаров схожей формы, но ни одного точно такого же. Во-вторых, не выявлены другие томары, украшенные столь тщательно проработанным фигуративным изображением. Обычно эти предметы декорируются опоясывающим орнаментом из линий и (иногда) треугольников. В редких случаях на них можно встретить схематические изображения стрел. Нам известен лишь один, помимо ладожского, томар с фигуративным декором, найденный на Рюриковом городище. На нем в крайне примитивной манере изображена птица, птичье крыло и некая деталь, которую исследователи интерпретируют как символическое обозначение водоема [Верходубова, Шорин, с. 55]. Однако декор томара с Рюрикова городища очень прост, в то время как изображение на ладожском предмете, напротив, выдает руку мастера, хорошо знакомого с какой-то художественной традицией.

Переходя к анализу этого изображения, разбор которого может помочь в датировке изделия в отсутствие стратиграфической даты, вернемся к исследованию Б. Г. Васильева, обозначившего в своей статье круг художественных традиций, в которых часто встречаются изображения оленя. В первую очередь он выделяет скифский мир, где олень является одним из основных героев. В частности, скифской традиции автор приписывает позу животного, «припадающего» на передние копыта. Затем Б. Г. Васильев прослеживает распространение звериного стиля в Приуралье и заимствование его племенем весь, указывает на широкое распространение изображения оленя в салтово-маяцкой культуре, а также у славян [Васильев, 1998, с. 424–427]⁵.

Параллели со скифскими изображениями крайне интересны, так как образ оленя в искусстве скифов действительно присутствует повсеместно. Однако здесь существует одна серьезная проблема: искусство скифского круга бытовало значительно раньше даже ранних этапов заселения Ладоги⁶ и на совершенно иной территории. Б. Г. Васильев сам указывает на то, что «на этом пути поиска истоков изображения из Ладоги не обнаружено прямых аналогов», однако считает, что это «все же не мешает нам видеть в пластическом решении сюжета живые реминисценции искусства скифов» [Васильев, 1998, с. 426]. Помимо этого, нельзя не заметить очевидную стилистическую разницу между скифскими оленями и изображением животного на ладожском томаре.

Неожиданной, но небезынской в свете последних публикаций оказывается идея о возможном влиянии на сложение этого образа салтово-маяцкой культуры. В 2010 г. вышла статья Е. А. Рябинина и Т. Б. Сениченковой «Хазарский след» в древнейшей Ладоге» [Рябинин, Сениченкова], в которой авторы рассматривают другой старолadoжский предмет — деревянную рукоять с примитивным изображением животных. Авторы этой статьи вполне убедительно сравнивают ее декор с рисунками на салтово-маяцких горловинах бурдюков или реликвариях. При поиске аналогий они упоминают и ладожский томар, однако приходят к выводу, что деревянная рукоять и томар относятся к разным традициям. Первая — к салтово-маяцкой, а второй нет. Этот вывод представляется нам справедливым, так как, несмотря на распространенность в салтово-маяцкой культуре изображений животных (в том числе оленей) [Флерова, с. 122–125] и убедительно доказанное присутствие хазарского культурного следа в Ладоге, стилистики исполнения этих вещей глубоко различны.

⁴ Это мнение подтверждает и то, что сейчас именно такая атрибуция указана как наиболее вероятная в карточке предмета в фонде Старолadoжского музея-заповедника.

⁵ Мнение о популярности образа оленя в славянском искусстве кажется нам не вполне верным. В качестве подтверждения Б. Г. Васильев ссылается здесь на публикацию А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», однако это исследование, вышедшее в XIX в., сегодня во многом устарело. Кроме того, как и в случае с финским искусством, мы не знаем широкого распространения образа оленя в славянском изобразительном искусстве.

⁶ Древнейшие слои Земляного городища Старой Ладоги датируются серединой — второй половиной VIII в. н. э. [Селин, с. 120].

Таким образом, ни один из предложенных культурных контекстов не является достаточно убедительным для того, чтобы отнести изображение на ладожском томаре к одной из перечисленных художественных традиций. Для вещей славянского и финского искусства нехарактерен сам образ оленя, а широко распространенные фигуры оленей в искусстве скифского и хазарского круга выполнены в совершенно иной стилистике.

В попытке если не доказать, то хотя бы предположить путь сложения декора ладожского томара представляется верным обратиться к искусству эпохи викингов. Выбор этого направления может вызвать вполне оправданные возражения, ведь скандинавское искусство этого периода имеет ярко выраженную и весьма специфическую стилистику, которая позволяет легко опознавать вещи, связанные с этой художественной традицией.

Скандинавское искусство выработало сложную художественную систему, которая, на первый взгляд, может создать впечатление бесструктурности и спонтанности в организации композиции. Заполняя изобразительную поверхность предмета, выразительные зооморфные и антропоморфные образы создают особое напряженное пространство, в пределах которого существуют. Тем не менее все многообразие образного мира скандинавского искусства достаточно четко укладывается в рамки определенных стилей, последовательно сменявших друг друга с IV по XI в. н. э. Каждый из этих стилей обладает рядом ярко выраженных критериев, совокупность или комбинация которых позволяет определять принадлежность ему того или иного мотива. Наличие большого количества переходных или гибридных форм дает возможность увидеть проявление разных стилей в одном и том же декоре.

Анализируя декор ладожского томара, необходимо понять, какие стилистические особенности, характерные для скандинавских стилей эпохи викингов, содержит этот небольшой фрагмент. В орнаментальном пояске, сохранившем лишь пару звеньев от общего раппорта, можно выделить основные и характерные элементы. Первый — это миндалевидный сегмент с двумя заглубленными засечками по верхнему и нижнему краям. Его структура неоднородна: форма приобретает характерную заостренность благодаря скрещиванию двух свободных концов по краям. Мотив скрученности, создаваемый пересечением этих отрезков, акцентируется благодаря второму составляющему элементу плетенки — небольшому кругу, который перехватывает гибкие линии и завязывает их в узел. Важной стилистической особенностью данного раппорта является тонкий контур, подчеркивающий выразительность этого мотива и выявляющий его каркасную структуру.

Фигура оленя, на первый взгляд, менее всего ассоциируется с искусством эпохи викингов, ведь, несмотря на то, что изображения отдельно стоящих больших животных, тела которых не зависят ни от экспрессивного декоративно-орнаментального фона, ни от общего ритма композиции, известны в Скандинавии с X в. [Wilson, Klindt-Jensen, p. 119–121], все эти образы сильно стилизованы и поэтому не могут служить убедительной аналогией достаточно реалистично изображенному оленю из Старой Ладogi. При более внимательном анализе этой находки становится очевиден диссонанс между реалистичным изображением головы, рогов и копыт оленя и повышенной декоративностью туловища животного, обведенного контуром. Этот контур состоит из двойной линии, ею же выделена овальная лопатка зверя. Таким образом, его тело как бы разделено на три части, внутри каждой из которых пространство заполнено своим орнаментом: шея — штриховкой «елочкой», лопатка — ромбовидной сеткой с точками, а спина и живот — параллельной штриховкой. Этот двойной контур — неотъемлемая часть структуры тела животного, ее моделирующая основа, разделяющая фигуру на анатомические части, в то время как заполнения образовавшихся ячеек (параллельная штриховка, «елочка» и ромбы) являются дополнительными вариативными элементами. Такой прием создает ощущение каркасности

фигуры — как будто двойная линия контура выложена проволокой. Это ощущение еще более усиливается благодаря двойному перехвату, соединяющему обводку живота и лопатки: как будто кольца проволоки укреплены в этом месте дополнительным соединением, обеспечивающим большую прочность каркаса.

Интересным в этой связи представляется сравнение оленя на томаре с известными изображениями оленя стиля Рингерике (980—1090 г.)⁷ — на металлическом флюгере из церкви Хегге в Норвегии (Рис. 2) и на камне с церковного кладбища старой церкви Св. Павла в Лондоне (Рис. 3), в моделировке фигур которых также активно используется двойной контур и специфичные перемычки внутри фигуры. Но, несмотря на структурные параллели, стилистически это совершенно разные изображения — приведенные примеры предельно орнаментальны и составлены из характерных для стиля Рингерике элементов, а изображение на ладожском томаре нет.

Однако скандинавское искусство эпохи викингов неоднородно. Помимо основных памятников, маркирующих главные стили, в нем, как и в любом другом, существуют менее известные периферийные течения и памятники. Одним из таких неосновных направлений является скандинавский текстиль эпохи викингов, происходящий из раскопок шведской Бирки и опубликованный А. Гейер [Geijer].

Среди рассмотренных А. Гейер материалов присутствует один интересный для нас предмет — так называемый «Золотой олень», сейчас хранящийся в Историческом музее в Стокгольме (Инв. № Historiska Museet 34000: Bj 832: 21): небольшое изображение оленя, созданное путем переплетения золотой проволоки (Рис. 4). Фигура животного сплетена таким образом, что в некоторых ее местах оставлены достаточно крупные отверстия, куда вставлены куски слюды, и вся конструкция имитирует технику инкрустации. Голова зверя повернута назад, а ноги стоят на «поземе», сплетенном из толстых жгутов серебряной проволоки. Плетение позема выполнено в технике, отличной от плетения самого оленя, — его образуют более крупные спиральные жгуты, полученные путем наматывания проволоки на нитяную основу⁸. Как и на ладожском томаре, плетеная полоса располагается под копытами животного.

Несмотря на структурное сходство двух этих изображений (плетеный каркас и заполнение образовавшихся ячеек — в одном случае слюдяными вставками, в другом штриховкой разных видов), оленя из Бирки нельзя назвать точной стилистической аналогией изображению на ладожском томаре, так как визуально они глубоко различны. Но наличие этого памятника является важным доказательством того, что скандинавское искусство знает не только изображения фантастических орнаментальных зверей, отдаленно похожих на оленей, но и изображения собственно оленей, выполненные в достаточно реалистичной, неорнаментальной манере.

Косвенным подтверждением принадлежности старолдожского томара скандинавской традиции может быть и одна нумизматическая находка. В 1967 г. у дер. Кислая Смоленской области был обнаружен клад арабских дирхемов, в составе которого присутствовала одна скандинавская монета — так называемый полубрактеат Хедебю. Считается, что подобные

⁷ Скандинавские ученые обычно не указывают даты бытования стилей искусства эпохи викингов. Здесь датировка дана по статье S. O. Gloeck, опубликованной в книге «Animals in the Middle Ages», предназначенной для широкого круга читателей [Gloeck, p. 20].

⁸ В своей статье А. Гейер выделяет несколько вариантов использования золотой проволоки в текстиле из Бирки: как одной из нити утка, для создания композиции наподобие представленного оленя и для получения крупных жгутов, которые впоследствии укладывались в плетеный орнамент. Анализируя технику производства самой металлической проволоки, автор указывает на существенную разницу между примерами из Бирки и Западной Европы. Если в Европе золотая нить делалась путем накручивания плоских металлических полосок на нитяную основу, то проволока из Бирки имеет круглое сечение. В Западной Европе металл для проволоки сначала отбивался молотком до состояния плоской пластины, а затем нарезался на тонкие ленты, которыми оплеталась нитяная основа (техника, получившая название *aurum battutum*). В текстиле из Бирки использована круглая в сечении проволока, которая создавалась путем протягивания металла через череду все более мелких отверстий (*aurum tractiticum*).

монеты относятся к раннему периоду скандинавского монетного дела. Они еще не содержат легенд, поэтому их датировка затруднена, и именно присутствие одной из них в кладе из Кислой, также содержащем дирхемы, позволило датировать весь этот тип, получивший название КГ 4–5⁹, IX в. [Malmer, 2007, p. 18]. Е. А. Шмидт, проводивший раскопки у Кислой, датирует найденную им скандинавскую монету временем около 825 г. [Шмидт, с. 64].

На одной стороне полубрактеата Хедебю из Кислой изображена фигура оленя в окружении маски и двух змей или элементов орнамента, а на другой — корабль и рыба. Монет с подобными изображениями, чуть варьирующимися в пределах общей схемы, известно несколько. Для примера можно привести еще одну, найденную в шведском местечке Лёддечёпинг (Löddeköpinge) [Malmer, 1966, s. 206]. Изображение оленя на монетах этого типа похоже на фигуру оленя на томаре. Конечно, оно дано более общими линиями и его структура менее проработана, но в обоих случаях мы видим орнамент на шее и туловище животного и четко выделенный круг на лопатке.

Каркасность староладожского изображения — основной выделенный нами признак — находит стилистические аналогии и среди ранних древнерусских памятников. Так, с Троицкого раскопа в Новгороде происходят деревянные ножны сабли X в., хранящиеся в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике (Инв. № НГМ КП 41170, А 170-662) (Рис. 5). На поверхности ножен выгравировано несколько не связанных между собой декоративных элементов, наиболее ярким из которых является изображение птицы. Ее сильно стилизованное тело, представленное в геральдической позе, обращает на себя внимание стройностью продуманной геометрии: туловище показано в форме прямоугольника с двойным контуром, хвост и крылья — в виде изящных, плавно расходящихся трехлепестковых соцветий. Эта схема (туловище, крылья и хвост) уже является законченной и уравновешенной композицией, дополненной для узнаваемости образа птичьей головой и лапами. Изображение птицы на новгородских ножнах и присутствующий на этом же предмете орнамент из полукругов имеют ряд специфических черт: двойной контур, единообразная проработка отдельных элементов, заполнение внутренних частей изображений ромбической штриховкой.

Аналогичные характерные приемы мы видим на предметах, связанных с другой территорией — с польским городом Волин, откуда происходят небольшая подвеска-амулет с изображением орла [Filipowiak, Gundlach, табл. 117] (Рис. 6) и фрагмент небольшой деревянной рукояти ножа, украшенный узлами и цепочками в стиле Борре и изображением фигуры птицы с элементами стилей Усеберг и Броа [Stanisławski, 2013, p. 223] (Рис. 7). Стилистика декоративных элементов польских находок фактически идентична русским примерам: в обоих случаях главными отличительными чертами являются каркасность изображения и штриховка, заполняющая объем внутри этого каркаса.

Необходимо отметить, что приведенная в качестве аналогии рукоять из Волина относится польскими учеными к отдельно выделяемому направлению прикладного искусства, получившему название «Померанская школа» (польск. Pomorska szkoła, англ. Pomeranian school) [Stanisławski, 2017, s. 156–161]. Это направление, известное на территории Балтийского Поморья, сложилось под сильным влиянием искусства эпохи викингов и таких стилей как Борре, Маммен и Рингерике [Stanisławski, 2013, p. 239]. Произведения Померанской школы являются одним из вариантов развития скандинавского искусства за пределами собственно Скандинавии — преимущественно на островах (так называемое Scandinavian-Insular art). В данном случае эта традиция локализуется на южной стороне Балтийского моря, то есть на западнославянской территории, имевшей активные контакты с викингами, и датируется третьей четвертью X — первой половиной XI в. Исследователи связывают эти предметы с культурой йомсвикингов

⁹ Обозначение КГ соответствует аббревиатуре шведских слов «Kombination-Gruppen» — группы, выделенные по комбинациям изображений на аверсе и реверсе.

[Stanisławski, 2013, p. 222].

Итак, мы считаем, что необычная костяная находка из Старой Ладogi является томаром. Украшающее его изображение относится к кругу памятников Померанской школы или выполнено под ее влиянием, то есть генетически связано с искусством эпохи викингов, но создано уже на славянских землях. Находка стилистически близкого предмета в Новгороде доказывает, что это не единичный случай присутствия данной традиции в Древней Руси и позволяет поставить вопрос о широте ее распространения. Основываясь на стратиграфической датировке новгородских ножен и времени бытования искусства Померанской школы в Волине считаем возможным датировать ладожский томар третьей четвертью X — первой половиной XI в.

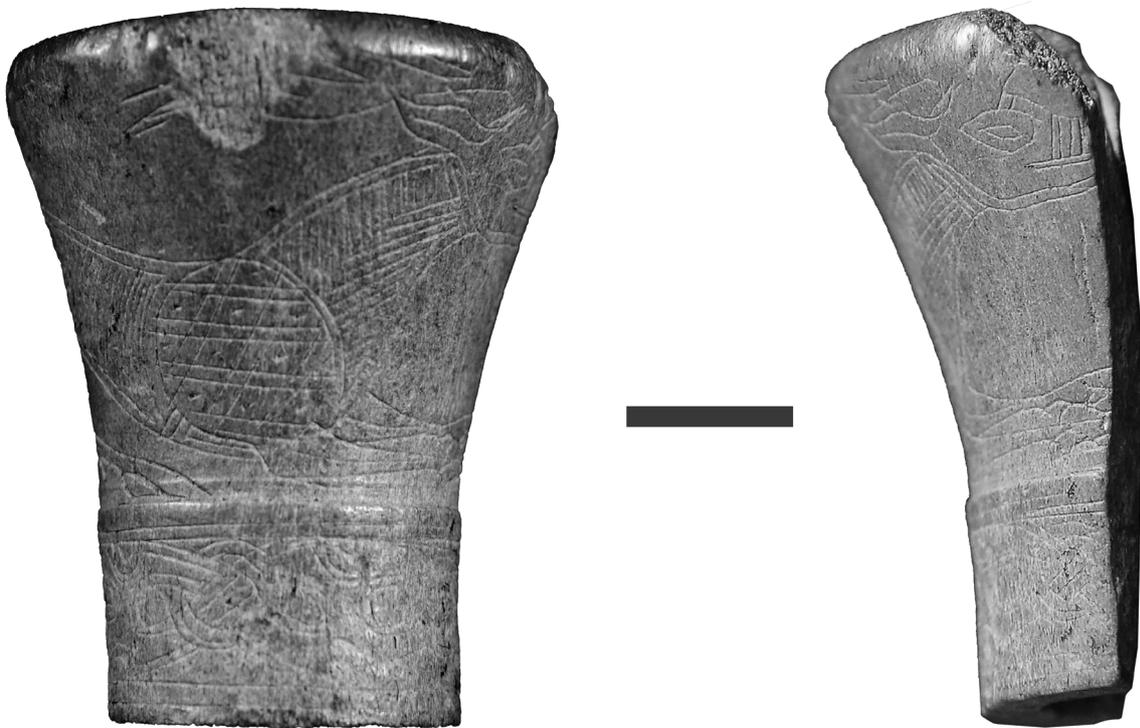

Рис. 1. Томар (?), найденный в строительных обломках церкви Св. Климента на Земляном городище Старой Ладogi. Кость. Староладожский музей-заповедник. Инв. № СЛМ КП-62948, А-9691.
Фото предоставлено Староладожским музеем-заповедником

Рис. 2. Флюгер из церкви в Хеге, Норвегия. 1000–1050 г. Металл. Фото: Anker P. *The Art of Scandinavia*. London, 1970. Vol. 1. Fig. 161.

а.

Рис. 3. Камень с церковного кладбища старой церкви Св. Павла в Лондоне, Великобритания. Ранний XI в. Камень. Музей Лондона. Фото: *From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800–1200* / Eds. E. Roesdahl, D. M. Wilson. New York, 1992. P. 336, № 416.

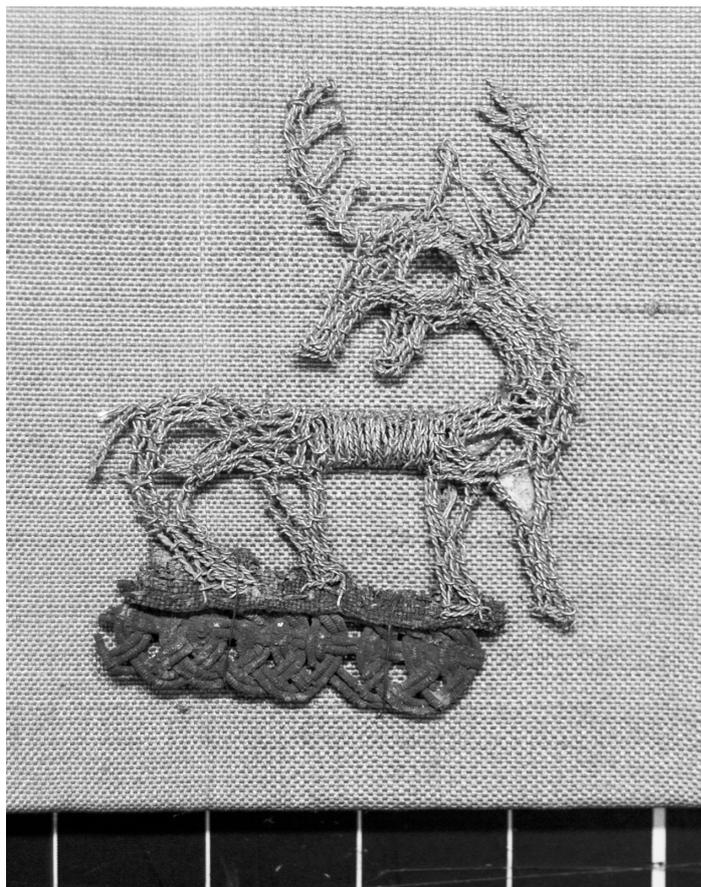
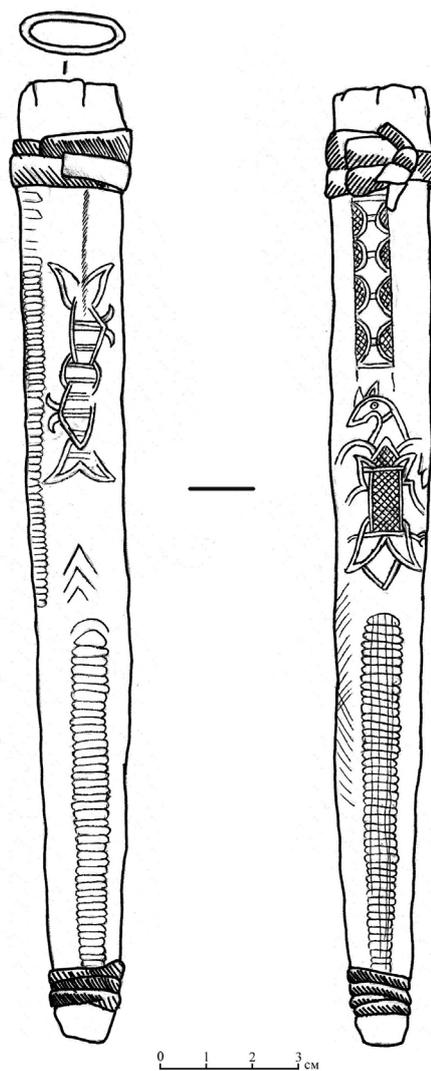

Рис. 4. «Золотой олень» из Бирки, Швеция. Захоронение Вj 832. IX–X в. Вышивка. Исторический музей в Стокгольме. Фото авторов

Рис. 5. Деревянные ножны сабли из Великого Новгорода. Дерево, кожаная оплетка. X в. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Инв. № НГМ КП 41170, А 170-662. Рисунок авторов

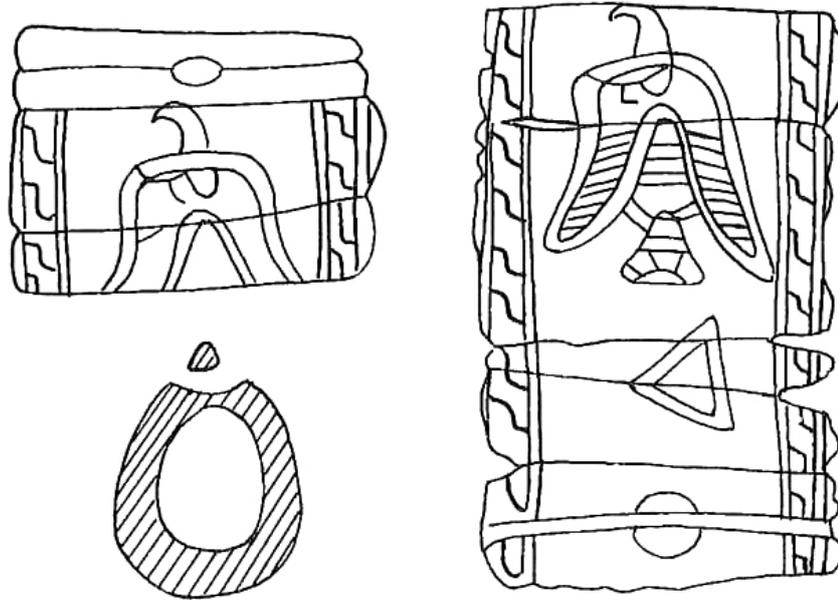

Рис. 6. Подвеска-амулет с изображением орла из Волина, Польша. Кость. Первая половина XI в.
Рисунок: Filipowiak W., Gundlach H. *Wolin Vineta. Die tatsdchliche Legende vom Untergang und Aufstieg der Stadt*. Rostok, 1992. Pl. 117.

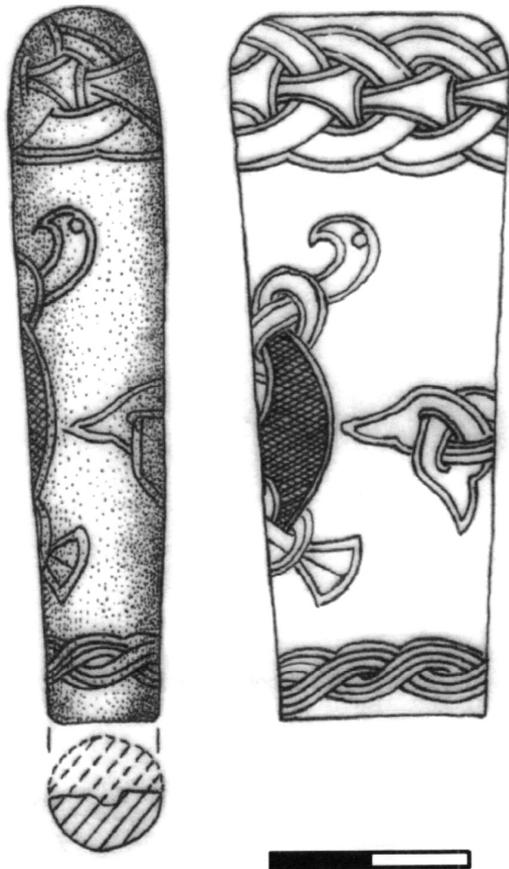

Рис. 7. Фрагмент рукояти ножа из Волина, Польша. Дерево. Вторая половина X в.
Рисунок: Filipowiak W., Gundlach H. *Wolin Vineta. Die tatsdchliche Legende vom Untergang und Aufstieg der Stadt*. Rostok, 1992. S. 223.

Литература

- Васильев Б. Г. Костяное изделие из Старой Ладogi // Ладoga и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладoga, 21–22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб., 1995. С. 22–24.
- Васильев Б. Г. Костяное изделие из Старой Ладogi // Русь и Южные Славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 419–429.
- Верхорубова Т. Л., Шорин М. В. Костяные изделия с Рюрикова городища под Новгородом // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 51–56.
- Гайдукoв П. Г., Макаров Н. А. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1993. Вып. 7. С. 179–188.
- Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1966. Вып. 8. С. 103–115.
- Рябинин Е. А., Сениченкова Т. Б. «Хазарский след» в древнейшей Ладoge // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 2. С. 226–237.
- Селин А. А. Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1 (11). С. 117–126.
- Смирнова Л. И. Еще раз о тупых стрелах (к вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 143–156.
- Флерова В. Е. Граффити Хазарии. М., 1997. 176 с.
- Шмидт Е. А. Раскопки в Смоленской области // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. С. 63–65.
- Filipowiak W., Gundlach H. Wolin Vineta. Die tatsächliche Legende vom Untergang und Aufstieg der Stadt. Rostok, 1992. 137 s.
- Geijer A. The Textile Finds from Birka // *Acta Archaeologica*. 1979. Vol. 50. P. 209–222.
- Glosecki S. O. Movable Beasts: The Manifold Implications of Early Germanic Animal Imagery // *Animals in the Middle Ages*. London and New York, 2016. P. 3–24.
- Malmer B. Nordiska Mynt före år 1000. Bonn, 1966. 358 s.
- Malmer B. South Scandinavian Coinage in the Ninth Century // *Silver Economy in the Viking Age*. Walnut Creek, California, 2007. P. 13–27.
- Stanislawski B. Norse culture in Wolin-Jomsborg // *Scandinavian Culture in Medieval Poland*. Wrocław, 2013. P. 193–246.
- Stanislawski B. Udział wikingów w powstawaniu państwa wczesnopiastowskiego // *Spór o początki Państwa Polskiego*. Historiografia, tradycja, mit, propaganda. Kraków, 2017. S. 139–166.
- Wilson D. M., Klindt-Jensen O. Viking Art. London. Boston, Sydney, 1980. 173 p.
- Zachrisson I. Medeltida ekorrpilar? // *Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research*. 1976. Vol. 71. S. 117–120.

References

- Davidan, O. I. Staroladozhskie izdeliya iz kosti i roga [Old Ladoga Bone and Horn Products]. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1966. Iss. 8. P. 103–115.
- Filipowiak, W., Gundlach, H. Wolin Vineta. Die tatsächliche Legende vom Untergang und Aufstieg der Stadt. Rostok, 1992. 137 s.
- Flerova, V. E. Graffiti Khazarii [Graffiti of Khazaria]. M., 1997. 176 p.
- Gaidukov, P. G., Makarov, N. A. Novye arkheologicheskie materialy o pushnom promysle v Drevnei Rusi [New Archaeological Materials about the Fur Trade in Ancient Russia]. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya*. 1993. Iss. 7. P. 179–188.
- Geijer, A. The Textile Finds from Birka. In *Acta Archaeologica*. 1979. Vol. 50. P. 209–222.
- Glosecki, S. O. Movable Beasts: The Manifold Implications of Early Germanic Animal Imagery. In *Animals in the Middle Ages*. London and New York, 2016. P. 3–24.
- Malmer, B. Nordiska Mynt före år 1000. Bonn, 1966. 358 s.

- Malmer, B. South Scandinavian Coinage in the Ninth Century. In *Silver Economy in the Viking Age*. Walnut Creek, California, 2007. P. 13–27.
- Ryabinin, E. A., Senichenkova, T. B. “Khazarskii sled” v drevneishei Ladoge [“Khazar trace” in the Ancient Ladoga]. In *Kraeugol’nyi kamen’. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul’tura Rossii i sopredel’nykh stran*. M., 2010. Vol. 2. P. 226–237.
- Selin, A. A. Staroladozhskii mif v akademicheskom diskurse poslednikh let [The Old Ladoga Myth in the Academic Discourse of Recent Years]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1 (11). P. 117–126.
- Shmidt, E. A. Raskopki v Smolenskoj oblasti [Excavations in the Smolensk Region]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1968 goda*. M., 1969. P. 63–65.
- Smirnova, L. I. Eshche raz o tupykh strelakh (k voprosu ob okhotnich’em promysle v srednevekovom Novgorode) [Once Again about Blunt Arrows (to the Question of Hunting in Medieval Novgorod)]. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya*. 1994. Iss. 8. P. 143–156.
- Stanislawski, B. Norse culture in Wolin-Jomsborg. In *Scandinavian Culture in Medieval Poland*. Wroclaw, 2013. P. 193–246.
- Stanislawski, B. Udział wikingów w powstawaniu państwa wczesnopiastowskiego. In *Spór o początki Państwa Polskiego. Historiografia, tradycja, mit, propaganda*. Kraków, 2017. P. 139–166.
- Vasil’ev, B. G. Kostyanoe izdelie iz Staroi Ladogi [The Bone Object from Old Ladoga]. In *Ladoga i Severnaya Rus’. Chteniya, posvyashchennye pamyati Anny Machinskoi. Staraya Ladoga, 21–22 dekabrya 1995 g. Materialy k chteniyam*. SPb., 1995. P. 22–24.
- Vasil’ev, B. G. Kostyanoe izdelie iz Staroi Ladogi [The Bone Object from Old Ladoga]. In *Rus’ i Yuzhnyye Slavyane. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. A. Moshina (1894–1987)*. SPb., 1998. P. 419–429.
- Verkhorubova, T. L., Shorin, M. V. Kostyanye izdeliya s Ryurikova gorodishcha pod Novgorodom [Bone Products from the Rurikovo Gorodische near Novgorod]. In *Novoe v arkheologii Severo-Zapada SSSR*. L., 1985. P. 51–56.
- Wilson, D. M., Klindt-Jensen, O. *Viking Art*. London. Boston, Sydney, 1980. 173 p.
- Zachrisson, I. Medeltida ekorrpilar? In *Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research*. 1976. Vol. 71. P. 117–120.

Nadezhda N. Tochilova

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, Department of Art History, Saint Petersburg, Russia

Anna A. Slapinia

Charitable Foundation “The Private Museum of Russian Icon”, Moscow, Russia

A UNIQUE ARCHAEOLOGICAL FIND FROM THE ZEMLYANOE GORODISHCHE
OF OLD LADOGA IN THE CONTEXT OF THE SPREAD OF SCANDINAVIAN ART
IN THE SLAVIC TERRITORIES

The article is devoted to a fragment of a bone object with a scratched depiction of a deer, found in 1981 among debris of the 12th century St. Clement church, standing at Zemlyanoe Gorodishche of Old Ladoga. The authors suggest that this find refers to so-called ‘Pomeranian School’, emerged in Baltic Pomorze in the third quarter of the 10th – first half of the 11th century under the influence of Viking Art.

Keywords: Old Ladoga, Pomeranian School, Viking Art, hunting tools, bone carving

